МАРИЯ НЕКРАСОВА

Прятки с кошмаром

Мария Евгеньевна Некрасова
Прятки с кошмаром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939965
Большая книга ужасов 42: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57776-7

Аннотация

Строители, которые приехали расчищать место рядом с конюшней под новую застройку, и не догадывались, что перекапывают старое кладбище. Теперь у местных будут большие проблемы! Кладбище-то не простое – на нем в давние времена хоронили самоубийц и преступников. Не знает этого и Ленька, занимающийся на конюшне вместе с другими ребятами. Но спасать деревню от нахлынувших упырей придется именно ему, ведь он единственный крещеный ребенок в округе, а упыри только таких и боятся…

Содержание

Глава I, 4
Глава II, 12
Глава III, 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Мария Некрасова
Прятки с кошмаром

Глава I,
в которой деревенские наезжают, а Леньку спасает уздечка

Ленька терпеть не мог эти походы на речку. Особенно в жару, когда солнце так печет, что всех деревенских магнитом тянет к воде. Они и тянутся. Тут и там на берегу мелькают смуглые спины и выгоревшие макушки… А ты ходишь один, как дурак, и думаешь, какие скорее заметят: те или эти. Если те, то их много, а ты один (Гриша не в счет). Если эти, то их поменьше, но они старше, а значит, схлопочешь ты скорее и больнее, так что неделю не придешь в конюшню. А когда придешь, Сергеич скажет: «Ленька, где ты был, Гриша без тебя совсем заскучал, кто ж его пасти-то и купать будет без тебя? Давай, после занятий сгоняй с ним к речке», – и все снова-здорово.

Самое обидное, что ты всегда один против многих. Ниже по реке Лысый отмывал пыльного Бабая, еще метрах в двадцати плескались Ирка с Пирсом, а во-он там дальше Митек затаскивал в воду упирающегося Ролика. Они не мог-

ли прийти Леньке на помощь, даже если бы на него нападал вооруженный отряд повстанцев: оставлять лошадей без присмотра нельзя. Привяжешь к деревцу, отойдешь – тут же прибегут деревенские и угонят. Не насовсем: где им ее прятать-то, когда Сходня почти рядом с конюшней. Так, покатаются и отпустят где-нибудь в лесу, а ты потом бегай ищи. Сергеичу жаловаться бесполезно, скажет: «Сам упустил, сам и лови», – и ты пойдешь ловить, как миленький, куда деваться-то? Он, конечно, поможет, если заплутаешь до темноты, но виноватым у него все равно будешь ты, а не деревенские. Где их, деревенских, искать-то? Ты сам, небось, и лиц не вспомнишь, потому что каждый раз к тебе лезут разные. А ты – вот он, так что получай и от тренера, и от деревенских, и свои тебе не помогут. Прийти на выручку вместе с лошадью – тоже нельзя. Ребята потому и гуляют так далеко друг от друга: попробуй поставь рядом двух жеребцов! Драка будет похлеще, чем у городских с деревенскими! Это под седлом в смене кони смирные, а когда на них один легкий недоуздок с поводом, отчего ж не пошалить?! Некоторые животные совершенно не умеют жить мирно.

Ленька увидел некрутой спуск в камышах, небольшой и, кажется, незаметный издалека, и повел коня туда. За высокой травой, может, деревенские и не заметят. Сейчас окунутся по-быстрому, Гриша и негрязный почти. Конь тянулся к траве, что категорически запрещалось у реки, Ленька сам не помнил, почему. Он взял Гришу покрепче за недоуздок

и завел по брюхо – до травки не дотянется теперь. Из-за высоких зарослей было видно Ирку с Пирсом выше по реке, а за ней – компанию деревенских ребят: всего трое, но явно старше Леньки и, кажется, уже поглядывают в его сторону. Быстро сполоснуть коня и валить!

Вот загадка: двадцать человек в конюшню ходит, все москвичи. Казалось бы, деревенские должны одинаково ненавидеть всех, а вот и нет. Почему-то всегда они докапывались только до Леньки. Если, например, лошадь без присмотра – это одно: угонят и не посмотрят, чья. А с людьми – нет. Именно Ленька им чем-то не угодил, причем всем сразу. Зачинщик, конечно, Фока. У него фамилия Фокин, отсюда и кличка дурацкая. Но этот с дурацкой кличкой был заводилой у всех деревенских, и Леньку третировал с первого дня, как тот пришел в конюшню.

Парни явно смотрели в Ленькину сторону, Фоки среди них не было, ну и что? Один в синих плавках кивнул остальным, все не спеша вышли на берег и направились к Леньке. Пора валить. Гриша бултыхал мордой в воде, расфыркивая брызги. Ленька пару раз провел мокрой рукой по лошадиным бокам – вот и помылись. Извини, друг, дольше некогда, а то кто-то схлопочет так, что еще неделю не сможет вывести тебя к реке.

У берега Гриша поупирался, торгуясь за право сорвать запретную речную травинку, чем и дал фору Фокиной банде.

– Здорово, ботан! – Ленька знал этого в синих плавках и

тех двоих, что с ним: второй с облупленным носом, самый старший, наверное, десятиклассник, и третий – маленький, самый загорелый и самый вредный. Только не знал, как их зовут, такие не представляются.

– Сам ботан. У меня две тройки за прошлый год. Здрасьте.

– Ты что такой невежливый? Сразу обзываться… – Вот что тут ответишь? «Сам невежливый» или еще смешнее: «Ты первый начал»? Любая Ленькина реплика только приближала назревающую драку, и даже отмолчаться не помогло бы. Можно было еще спасти положение: прыгнуть Грише на спину и умчаться вдаль. Но на Грише ни седла, ни уздечки, один недоуздок с поводом. В такой экипировке лошадь, конечно, управляема, но вся управлямость на честном слове. Захочется Грише, например, повернуть не туда или понести, Ленька его не удержит одним поводом без трензеля. И Гриша, подлец, это знает.

– Че молчим-то? – А что здесь отвечать? Ленька многозначительно посмотрел на этого в синих плавках и привычно схлопотал в нос. Кровь хлынула моментально: если нос методично разбивать два лета подряд, он начнет кровить от одного прикосновения. Ленька молча запрокинул голову, нагнулся сорвать лопух и был наказан ногой под дых:

– Я с тобой разговариваю!

«О чем?» – Ленька старательно сглатывал слезы, но они предательски просачивались и еще больше злили деревенских. Маленький взял Гришу за недоуздок и, как ни в чем

не бывало, попросил:

– Дай покататься.

Ежу понятно: стоя на карачках с разбитым носом очень трудно отказать человеку в невинной просьбе. Даже если знаешь, что тебе потом придется битый час бродить по лесу искать коня. Ленька уже обреченно кивнул…

– Ну-ка оставили чужую лошадь! – Ирка на Пирсе подъехала по воде. Прежде Леньке издалека было не видно, а теперь разглядел: хитрая Ирка надела под недоуздок уздечку. Сергеичу за пятьдесят метров (или где он там) не видать, а лошадь управляема.

– Оставили чужую лошадь, – повторила Ирка. – Домики-то ваши продать хватит на такого араба? Я вот папе скажу, и кому-то придется долго сидеть. Это не ваш глухой участковый.

– А кто? – странно спросил мелкий, обходя Ирку сбоку. Хотел стащить за ногу, но не тут-то было. Ирка развернула коня задом к мелкому, и случилось то, что всегда случается с теми, кто подходит к Пирсу сзади. Конь прижал уши и брыкнул задними ногами так, что, не успей мелкий отскочить, ему досталось бы серьезно. А так: схватился за ребра, сел напротив Леньки и одними губами сказал: «Убью».

– Кто ж тебя учил к лошади сзади-то подходить! А еще деревенский. – Ирка смотрела на мелкого, как учительница младших классов на провинившегося ученика. Потом как будто вспомнила, о чем они говорили: – Прокурор. Пошли,

Ленька, Сергеич звал давно. – Она многозначительно глянула на компанию. Типа: «Подумайте-подумайте, оно вам надо?» – и уехала на несколько шагов вперед, показывая, что не боится.

Ленька не заставил себя ждать: вскочил, зачем-то бросил: «Пока» – и потрусил пешком следом за Иркой. Дистанцию надо было держать, все-таки Гриша был без уздечки: вдруг ему захочется показать Пирсу, кто здесь главный. Мелкий заржал ему в спину, а тот в синих плавках высказал:

– Беги-беги! Завтра увидимся!

– А я Фоке привет передам, – добавил мелкий, и стало совсем кисло.

Ленька плелся за хвостом Пирса, метрах в пяти, удерживая Гришу за недоуздок от необдуманных поступков. Хотелось ныть, и он знал, что Ирка поймет.

– Чего они до меня докопались, а? Вот скажи, что я им сделал?

– Просто глянулся. Не бери в голову, Лень. Раньше вон Лысого гоняли…

– А как я пришел, переключились на меня!

Этот разговор велся у них не в первый раз, но Ирка никогда не отпиралась и не забывала своей роли. Она каким-то девчачьим чутьем понимала, что Леньке это нужно, и терпеливо выслушивала все, что уже знала наизусть.

– Как думаешь, правда Фоку натравят?

– Так он и дал себя натравить! Он у них главный… – Ирка

быстро спохватилась: – Обычный хулиган. Вырастет – пойдет работать охранником сутки через трое, пока не сопьется, как полдеревни. Забей!

Леньке стало легче, хоть нос еще и кровил. Его почему-то грела эта мысль, что Фока и дружки обязательно сопьются и вообще плохо кончат. Посмотрим потом, кто над кем поиздевается!

Впереди уже показался бетонный забор конюшни. У забора загорали Сергеич, Лысый и Митька, уже без лошадей – успели накупаться.

– А чего про отца-прокурора соврала, думаешь, поверят?

– Думаю, не захотят проверять на себе… Ой, иди вперед, отвлеки Сергеича. А то увидит у меня уздечку в неуставное время…

Ленька далеко обошел Пирса и прибавил шагу. Сергеич стоял у забора, смешно раскинув руки, как морская звезда. Митька и Лысый валялись на травке. Ленька сорвал лопух и стал лихорадочно вытирать нос, но все равно все заметили.

– И где ты успел подраться? – спросил Сергеич.

– Опять Фока, да? – Митька все про всех знал, неизвестно откуда. По крайней мере, Ленька ему никогда не докладывал. Лысый только сочувственно кивнул и пошел помогать Ирке снимать уздечку с Пирса, пока Сергеич отвлекся на Леньку.

– Деревенские… Сергеич, ты давно хотел помещение менять. Может, пора? Где-нибудь подальше от деревни…

– Ты мне зубы не заговаривай! Понимаешь, что у тебя могли опять угнать коня? Зачем ты связываешься?

– Я и не заговариваю, я по делу. Если деревенские коней угоняют…

Сергеич беспомощно махнул рукой и отвернулся лицом к забору, раскинув руки, как морская звезда. Ирка с Пирсом быстренько пробежали в конюшню.

Глава II,
в которой Сергеич ведет себя как дурак, а лошади – как табун

Город наступал. Валочная машина, неумолимая, как поступь командора, грохотала все ближе. За бортами ее шлейфом завоеванных земель тянулся новый микрорайон. Казалось, не успеешь убежать, и сам превратишься в новостройку. С башенками! Эти дома проектировал какой-то сумасшедший фанат сказок. За лесом, редеющим с каждым днем, уже виднелся и замок Бастинды, и башня Черного короля, и какой-то стеклянный куб совершенно космического вида, должно быть, Незнайка на луне такие встречал.

Смена брела по просеке прямо на вальщиков. Лошади прижимали уши, демонстрируя готовность в любой момент испугаться шума и понести. Но Сергеич не думал сворачивать. Ленька видел его спину впереди и пышный хвост Булата под ней: не Сергеич, а кентавр без мозгов – прется прямо на технику.

За стволами маячили красные борта трелевочника. И кто решил, что это трактор? Танкетка натуральная, только пушки недостает, ну и яркая еще не по-военному. А война идет. С самой зимы, когда на пустыре достроился замок Бастинды и первая валочная машина вошла в лес, как захватчик.

В конюшне занимаются в основном москвичи, они-то восприняли это как должное. А вот деревенским не понравилось, что вырубают их лес. Раскочегарили керосиновый свой Интернет, списались с «зелеными» и вместе пошли протестовать. Перекрывали дорогу с плакатами, дежурили у деревьев на пути валочной техники… Ребят из секции это сперва раздражало: дорогу перекрывают, подъехать нельзя. Отец погудит-погудит в пробке, да и высадит: пехай, сынок, два километра в свою конюшню, а то я тебя до утра не довезу. Сам развернется – и домой, потому что припарковаться подождать тоже негде. Обратно добирались сами на электричках, на попутках, в общем, одни проблемы от этих митингующих.

…А сейчас уже все привыкли. К тому же лето, два километра можно и прогуляться: ни сугробов, ни слякоти и не холодно. Эти с плакатами перестали раздражать, и Ленька уже подумывал: а какого черта?! Ну не хотят люди, чтобы вырубали их лес, что ж в этом плохого? К тому же вырубят, сровняют с землей и придут в конюшню. Сергеич давно говорит, что градостроителям она поперек горла. Значит, придется искать другое место, а это нелегко: снять помещение для двадцати лошадей. Как ни крути, а вырубка леса – проблема не только для деревенских. Но разве тут что-нибудь сделаешь? Деревенские вон полгода уже митингуют, а леса все меньше. Танкеткам все равно, что ты думаешь, даже если они трелевочные.

Клешня валочной машины прошла совсем близко. Ленька увидел впереди знакомые спины деревенских и придурковатый плакат: «Вас самих вырубить мало». Булат под Сергеичем затанцевал, и это сейчас же передалось всей смене. Закозлил Бабай под Лысым, Ролик встал на свечку, Пирс под Иркины вопли шарахнулся в кусты. Гриша напрягся и сильнее прижал уши. Ленька подобрал повод, прошипел коню: «Только дернись» – и вжался в седло. Он не видел, что делают сзади остальные, но догадывался по воплям и топоту. Все-таки табун есть табун: если один начал беситься, то это заразно. Сергеич обернулся: все в седле, и невозмутимо свернул на тропинку в сторону конюшни.

– Давно пора! – процедила Ирка, выбираясь из кустов. Пирс под ней жевал веточку. При каждом движении веточка хлестала по глазу, и конь подмигивал совершенно по-хулигански. – За каким его понесло на технику?! Массой задавить решил?

– Да племяха у него там. – Лысый придержал коня, пропуская Ирку. – Юлька, помнишь ее? В конюшню иногда заходит. Шестой класс, а все туда же: с транспарантом под танки. Вот Сергеич и переживает. Чего им неймется?

– Живут они здесь. – Ленька подумал, что не он один видит в тракторе вражескую танкетку. Лысый вон, хоть и не разделяет протестных настроений, а тоже заметил.

– Ну и что? Ну снесут их лес, ну деревню – туда же. Им же нормальные квартиры должны дать, в городе. С Интернетом

и туалетом. Вот чудаки-люди!

Ленька фыркнул, а Ирка озвучила:

– Поверь, Лысенький, не в туалете счастье!

– Да ну! А я все думаю, где, блин, оно! Оказывается, не там искал, ты мне глаза открыла!

– Обращайся, если что…

Техника осталась позади. Шум еще доносился до ребят, но когда он уже удаляется, как-то легче. Гриша потянулся к малиннику, и Ленька беспечно приспустил повод: чего его держать-то, когда все спокойно? Но это он поспешил. Даже не видел, что такое произошло: то ли вражеская танкетка взвизгнула от натуги, то ли скрипнула клешней валочная машина, а может, Ирка взяла высокую ноту, споря с Лысым о туалетах и счастье. Но Гриша (козел он, а не конь) прижал уши, шарахнулся в кусты и понес по бездорожью, потрясая свободным поводом.

Ленька вцепился в луку, встал на стременах, как жокей, зажмурился, спасаясь от веток, хлеставших по лицу. Свободными пальцами он пытался нащупать повод, но только выдирал волосы из гривы. Смена и вальщики оставались все дальше. Леньку трясло по пенькам и ухабам. Вот ведь Гриша удружил, хрупкое животное, весом в полтонны! Сергеич перед каждой поездкой в лес рассказывает, как важно беречь лошадь на бездорожье, чтобы не споткнулась о корешок, не переломала ноги. А этот козел несется только так, по корешкам, пенькам и ямкам. Тоже мне, чистокровный араб! Да на

таких арабах в деревне дрова возят!

Лес не кончался. По Ленькиным прикидкам, лошадь несла в сторону конюшни, и уже давно пора было бы принести, сделать километровый круг почета, пробежаться по коридору туда-сюда и встать в денник. Это по расстоянию. А по времени – Ленька не сомневался, что Сергеич уже заметил его отсутствие, определил направление и сейчас плетется где-то сзади. Догонит – прочтет лекцию: «Как важно крепко держать повод, находясь рядом с валочной техникой». А лес все не кончался. Похоже, Гриша забирал чуть в сторону, вот они и носились кругами.

Ленька, наконец, ухватил повод, подобрал, потянул. Конь, глотнувший свободы, встал резко, да и пропустил седока вперед. Ленька перелетел через голову и приземлился на острый корешок. Рядом брякнула железка: ключи? Телефон? Вроде, не брал с собой ни того, ни другого. Залез в карманы – пусто, все сухарики слопал этот козел. А ну как они заблудились? Будут блуждать тут несколько дней, пока не выберутся к своим. Гриша-то и травки поест, а вот Ленька от голода окочурится.

Конь нагловато обнюхивал Ленькины карманы, типа: «Я же тебя привез! Не знаю, куда и зачем, но плату за проезд гони…»

– Отлипни. – Ленька встал, не выпуская повода, отряхнулся и поискал глазами упавшую железку: что бы это могло быть? Если не ключи и не телефон… Ну нет!

Не нет, а да – в маленькой луже у пенька сверкнула подкова. Гриша с невинным видом ощипывал куст, типа он тут не при делах, и подкова не его, а Ленька готов был разрыдаться. Нет, не беда, что конь расковался, со всеми бывает, и доехать на таком очень даже можно (лучше, конечно, в поводу, но они никому не скажут). Беда в том, что он не стоит на ноге! Гриша высоко по-собачьи поджимал заднюю ногу, а это ничего хорошего не предвещало.

– Вот оставлю тебя здесь, вальщикам на съеденье! – пригрозил Ленька и пошел ощупывать копыто. Причина быстро нашлась: бегая по лесу, Гриша ухитрился загнать в стрелку ковочный гвоздь. Это как иголку под ноготь: ничего непоправимого, но очень больно. Секундное дело: взять клещи и… Ленька осекся и отпустил копыто: клещей-то он не захватил. Гвоздь надо было тащить пальцами, ну или брать Гришу на ручки и нести в конюшню, где клещи есть.

– Козел ты, а не конь! – Ленька оттянул майку, взялся через ткань за гвоздь, расшатал… Если бы он не держал ногу так крепко, Гриша бы ее выдернул и засветил спасителю в глаз. Но Ленька был начеку. Гвоздь поддавался, хоть и с трудом, Ленька спиной чувствовал, как возмущенно пялится на него Гриша – больно это, когда гвоздь из стрелки вытаскивают. Может и цапнуть, если станет совсем невмоготу…

– Все! – Ленька поднял над головой гвоздь, как боевой трофей, и заметил, наконец, как тихо вокруг.

Он, конечно, не ждал оваций, тем более, от Гриши, но где,

например, шум дороги? Или шум валочной техники: в лесу, в конюшне, даже в деревне он слышен отовсюду. Что же получается: вражеские танки уехали? Рано еще. Или Гриша занес их в какой-то очень-очень дальний неизведанный ранее уголок леса? Быть такого не может! Этот лес уже почти насквозь просматривается, какой, к черту, дальний уголок?!

Ленька замер, вглядываясь в черные стволы, и прислушался. Гриша смачно хрупал травой (пойдут в кино – Ленька не купит ему попкорна), чуть шелестели на ветру верхушки деревьев – и все! Странная тишина. Вдобавок еще начало темнеть, или кажется? Часы и телефон остались в раздевалке, Ленька понятия не имел, который час и как долго они с Гришей тут пасутся. Странно, что Сергеич их до сих пор не нашел, вроде и убежали недалеко. Надо потихоньку выходить самим, если и правда темнеет…

Ленька взял крепче повод и повел коня вперед, туда, где по его прикидкам должна быть конюшня. Он все так же прислушивался, но ни дорога, ни валочная техника не давали о себе знать. Тишина. И темнело! Подло так, по-летнему: то ли сумерки, то ли кажется, а потом раз – и темень. Ленька брел уже на ощупь, из-за стволов не просачивалось даже плохонького света от конюшни или придорожных фонарей. Значит, еще далеко?

– Во занесло-то! Все ты!

Гриша брел следом, невозмутимый, как пень, да еще жевал на ходу сорванные листики. Стволы стояли очень тесно.

Ленька то и дело снимал с лица невидимую паутину и все боялся, что вот между этими соснами Гриша не пройдет по габаритам, и они застрянут здесь до утра. Назад – нельзя, потому что не видно, куда, вперед – не пройти. Вообще, это безумие – болтаться с лошадью по ночному лесу, без фонаря, на ощупь. Вряд ли здесь водятся волки-лисы, а все равно страшно. Сергеич, небось, рвет и мечет… А на помощь не торопится. Покричать, что ли? Было почему-то боязно шуметь в ночном лесу, вроде и знаешь, что никакого хищника здесь нет, а все равно.

Ленька в очередной раз остановился и прислушался. Ночь безветренная, только чуть шелестят верхушки деревьев, и ни дороги, ни деревни, никаких человеческих шумов… Справа хрустнула ветка под чьей-то ногой. Гриша поднял башку и поставил уши домиком, как собачонка: «Стой, кто идет?» Ветка снова хрустнула, и за деревьями показался свет, красный, как от костра.

– Сергеич? – Ленька взял повод короче и быстро пошел на свет, уже не парясь, впишется Гриша между стволами или застрянет. Домой захочет – впишется. Запаха костра не было, не было и дыма, фонарик, что ли, у Сергеича такой красноватый? Ленька скакал на свет по корешкам и ямкам, а Гриша не вовремя начал чудить. Ни с того ни с сего он встал в самую большую лужу, уперся четырьмя ногами, да еще мордой потянул на себя повод, типа: «Не пойду».

Ленька поискал глазами, чего такого мог испугаться конь:

ветки, пеньки, лужи…

– Да ну тебя, пошли! Я еще уговаривать должен?!

В той стороне, где свет, опять хрустнула ветка.

– Сергеич, я здесь! Только Гриша упрямится. – Ленька потянул повод, но конь встал на свечку, развернулся и…

– Ну нет! Домой ты сегодня пойдешь, без закидонов. – Ленька вцепился в повод, подобрал с гривкой и запрыгнул в седло. Запрещенный прием с расковавшейся лошадью на неровной дороге, но эта лошадь сегодня уже наломала дров, так что переживет. Правый повод, левый щенкель, развернулись, поехали навстречу свету в конце тоннеля. Знаешь, Гриша, сколько прутиков в лесу? Ленька не советует упрямиться.

Конь сделал шаг в сторону красного света и замер по стойке «смирно». Ленька чувствовал коленками, как напряглись лошадиные мышцы: дельтовидная, трапециевидная, шейно-головную – и ту чувствовал, конь вытянулся струной, как английский гвардеец.

– Да ты что? Не хищники же там костерчик разожгли! – Ленька был уверен в своей правоте: у костра или с фонариками, за деревьями могли быть только люди. На машине? Но Гриша не боится машин. Может, запах какой незнакомый? В любом случае, из леса они выведут, чем бы ни пахли. Но разве лошади объяснишь?

А свет приближался. Потихоньку, по сантиметру, подползал по стволам, по земле к ногам Гриши. Конь попятился.

Человека с фонариком по-прежнему не было видно, похоже, и правда машина. Как же она сюда подъехала? И почему не шумит? Ленька сжал ногами лошадиные бока, посылая коня вперед, навстречу свету, но тот попятился еще быстрее, как заводная игрушка, наткнувшаяся на преграду. Ленька вцепился на ходу в куст, сломал прутик и показал упрямцу:

– Хоть постой спокойно! – Не помогло.

Свет подползал, Гриша пятился, Ленька вглядывался в лес: что ж там страшного? И увидел.

Из-за деревьев прямо на мальчика и коня выходил человек. Худой и в лохмотьях, такими рисуют нищих в детских книжках, но дело не в этом. У него не было ни фонаря, ни факела, красный свет исходил от его лица. Светящийся кругляш между высоким воротником и жидкими длинными волосами, как огонек светофора, только украшенный пустыми глазницами…

Дальше Ленька не разглядел, потому что Гриша вскочил на свечку, развернулся на задних ногах и понес прочь от страшного кого-то. Ленька клюнул носом лошадиную холку, но в седле усидел. Летел верхом, неспортивно вцепившись в шею, и только молился, чтобы Гриша опять не споткнулся о какой-нибудь корешок, на этот раз серьезно. Ветки царапали по ногам. Ленька думал, что Грише наверняка тоже достается, и это еще больше подгоняет его. Подгоняет-то подгоняет, а так и упасть недолго, да и Сергеич не погладит по головке за исцарапанную лошадь. Интересно, где же все-та-

ки конюшня? И дорога где? Лес, который со стороны выглядел маленьким, вырубленным наполовину, изнутри оказался огромным и страшным. Что за зверя они с Гришей сейчас видели? Ой, вряд ли это чей-то розыгрыш. А может, у парня это ночная оптика такая? Ну бывают же специальные очки в пол-лица, чтобы видеть в темноте? Кто их знает, как они должны выглядеть со стороны в ночном лесу? Может, специально такие жуткие, кабанов распугивать?

Гриша выскочил на знакомую тропинку до конюшни. Ленька сразу ее узнал: сквозь деревья проникал и свет с дороги, и со стройки на пустыре – выбрались. Оказавшись в знакомом месте, Гриша сам сбавил ход и рысью пошел в сторону конюшни. Ленька, наконец, выпрямился в седле и стал придумывать, что сказать дома по поводу своего опоздания. Нет уж, с такой правдой его на конюшню не отпустят до совершеннолетия. Или до пенсии, чтоб наверняка.

Глава III,
в которой Леньке не дают подежурить спокойно

У ворот маячил белый хвост Булата – Сергеич из леса возвращается. Долго же ходил, да так и не нашел Леньку. Надеется, небось, что тот уже поставил лошадь и поехал домой. Сейчас не найдет Гриши в конюшне – перепугается.

Ленька быстро спешился, как будто так и было, и побежал с конем в поводу догонять Сергеича. Ничего, сил ругаться у него уже нет. Да он так рад будет, что Ленька нашелся…

– Ты где был?! Я всю деревню на уши поднял, тебя до сих пор ищут! Отъехал вот в конюшне посмотреть… И давно ты здесь околачиваешься?

– Я не околачиваюсь. За тобой шел. Гриша расковался, пришлось добираться пешком.

Полуправда всегда проглатывается. Сергеич отпер ворота, пропустил вперед Леньку с Гришей, посмотреть, не хромает ли конь, и стал бубнить в телефон, чтобы их больше не искали. Часы над воротами конюшни показывали начало двенадцатого. Ой, кому-то дома влетит!

– Сергеич! Можешь позвонить моим? На тебя-то они орать не будут. А пока доеду…

– Позвоню-позвоню. Ставь быстренько на развязку и беги,

а я ноги гляну. Коваль только в пятницу будет… Погоди, а как ты домой-то?

Ленька так и замер в коридоре с недоуздком в руках. Так поздно он еще не задерживался и не знал, до которого часа ходят электрички.

– А что, уже?..

– Уже! – передразнил Сергеич. – Я бы тебя сам отвез, но кто с лошадьми останется?

– Юлька… – Племянница Сергеича из деревни, которая митинговала сегодня в лесу, почему-то первая пришла на ум. Она иногда заходила в конюшню, то покататься, то так помочь, но с группой не занималась, держалась особняком.

– Юлька спит давно… Погоди, а сам подежурить не хочешь? Я хоть дома заночую впервые за месяц, а?

Раньше на конюшне было аж двое дежурных: Сашка и дядя Витя. Они работали через ночь, сменяя друг друга. Но месяц назад Сашка уехала в Москву поступать в институт, и, видимо, конюшня не вписалась в ее планы. Дядя Витя же никуда не уезжал из соседней деревни, но то ли запил, то ли так с Сергеичем поссорился… В общем, тренер дежурил сам все ночи подряд, а желающих на это место все не находилось.

Леньке идея понравилась: все лучше, чем добираться до Москвы на перекладных среди ночи. Но как с родителями быть?

– Отпросишь меня – подежурю, не вопрос.

– Отпрошу, конечно! Где твой телефон?

Ленька махнул рукой в сторону раздевалки. Среди пустых шкафов Сергеич уж как-нибудь найдет нужный, и телефон в нем найдет, и номер отца в телефоне.

Гриша так и стоял в коридоре непривязанный и воровал сено из кормушки Пирса. Ленька надел на него недоуздок, поставил на развязку, расседлал и осмотрел ноги. Три оставшиеся подковы сидели крепко, придет коваль – поставит четвертую. Ну или Сергеич сам, не до пятницы же Грише ждать. Ранку в стрелке от гвоздя Ленька залил перекисью, поставил глину и стал ждать тренера, очень довольный собой. Сергеич вернулся уже переодетый в уличное: значит, получилось?!

– Твой отец параноик. Битый час выспрашивал меня, что ты будешь делать ночью на конюшне и крепко ли заперты лошади. Значит, смотри: поилки я уже включил, уборка – в шесть. Десять ведер овса запаришь с отрубями, вон корыто. По полведра на нос, ты знаешь, да? И корыто помой сразу! А то засохшую кашу я потом не отколупаю. Дров на месяц наколи, на год – кофе… Кофе в тренерской. Спать можешь там же, будильник уже стоит на полшестого, боишься не успеть – переставь на пять. Телефон мой знаешь.

– Угу.

– Все, буду в восемь.

– Сергеич, погоди! Подкова-то как же?

Сергеич в дверях с сумкой наперевес, должно быть, так рвался домой, что забыл про все на свете подковы. Он даже замешкался перед тем, как ответить, наверное, вспоминая,

что еще за подкова такая.

– А!.. Завтра. Приду и сделаю. Все, не скучай. Телик не работает, но Интернет есть. – Он хлопнул калиткой, но через секунду сунулся опять: – Запирайся!

Ленька толкнул длиннющую ржавую задвижку и пошел отвязывать Гришу. Конь танцевал на развязке: ему хотелось домой – есть, пить и дразнить через решетку Пирса. Завел, закрыл денник, и стало жутковато, так бывает первые несколько секунд, когда остаешься один. Вроде и давно хотел, чтобы оставили в покое, чтобы можно было, наконец, упасть на диван, включить компьютер. У Сергеича там еда хоть какая есть, кроме кофе? Еще бы пива предложил, тренер, блин, подростковой группы.

Грязненькая дверь тренерской была, как всегда, заперта, золото у него там, что ли? Пришлось повозиться-поперебирать амбарную связку ключей, которую оставил ему Сергеич. От овсяника, от душа, от сбруйной, от туалета (дожили). Нужный традиционно оказался последним. Ленька ввалился, включил свет и компьютер одновременно, плюхнулся на диван и наконец-то скинул сапоги. Это техника безопасности такая: хоть лето, хоть жара, будь добр в седло садиться в сапогах, чтобы нога в стремени не застряла. Если застрянет – пиши завещание: Сергеич убьет. Нет, вообще это опасно и все такое, но большая часть опасностей все равно исходит от Сергеича. Вот сейчас: уговорил подежурить, а еды не оставил. Опасный тип: морит детей голодом.

В маленьком холодильнике мерз одинокий пакетик растворимой лапши. Ленька помаялся минут пять да и пошел наливать воду в чайник. Пластиковый, древний, из которого пила вся конюшня, он выглядел так жалко, что хотелось похоронить с почестями, а не мучить работой. Ленька прошел через коридор к раковинам. Пол холодный и надо бы подмести. Сапог он не надел, выбегая за водой, и за три шага набрал на носки кучу сена и опилок.

Кто-то из лошадей шумел поилкой, Ленька даже испугался в тишине и быстро открыл кран. Говорят, некоторые, оставшись одни, начинают специально кричать или громко петь, чтобы не было так тихо. Ленька вообще не боялся быть один. Да и после прогулки по лесу с краснолицым кем-то грех бояться. А все равно… Ой, зря вспомнил!

Свет в коридоре не горел, только поблескивали в темноте глаза лошадей и кран над раковиной. Ленька не трус, но смотался от греха назад в тренерскую, где светло и уютно. Сейчас еще лапши заварит… Поставил чайник, нашел в Интернете какой-то фильм, выкрутил колонки на полную – да закипит жизнь в отдельно взятой конюшне! А то тихо, как в могильнике. Заварил лапшу в битую миску Сергеича и уселся трапезничать.

Больше всего ему хотелось забыть о приключении в лесу и об этом краснолицем. Когда рядом был Сергеич, это было просто: знай себе болтай, обсуждай дежурство и Гришины подковы. А сейчас… Вроде и фильм подходящий: вопли-

выстрелы, никакой мистики, а этот со светофорной мордой не шел из головы. И ведь наверняка, наверняка жуткое красное лицо окажется какой-нибудь банальщиной типа маски или ночной оптики. Но не сейчас, когда Ленька здесь один, до людей – два километра пешком, а за маленьким окошком тренерской – чернота. Ленька изо всех сил старался увлечься фильмом и не думать о встрече в лесу. Прибавлял громкости, сколько мог, и не сразу услышал стук.

В дверь колотили отчаянно, как будто пожар. Сергеич что-то забыл? Долго же пришлось вспоминать, небось, развернулся уже от подъезда. А если нет, то кто? Железная щеколда брякала от ударов на всю конюшню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.